

МИТРОХИН А. А.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ**

**ненаучно-фантастический детектив
часть первая**

22:45

ЗВЕЗДА

Алексей Митрохин

**Некоторые вопросы загробной
жизни. Часть первая**

«Издательские решения»

Митрохин А. А.

Некоторые вопросы загробной жизни. Часть первая /
А. А. Митрохин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838349-6

Виктор Николаевич Смирнов, молодой инженер-программист, погибает от огнестрельного ранения в голову. После смерти он попадает в «потусторонний мир», где знакомится с его устройством и обитателями, параллельно пытаясь выяснить, кто и за что его убил. Расследование, которое герой проводит вместе со своими новыми знакомыми по «загробному миру», оборачивается захватывающей детективной историей.

ISBN 978-5-44-838349-6

© Митрохин А. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Некоторые вопросы загробной жизни

Часть первая

Алексей Анатольевич Митрохин

Иллюстратор Мария Михайловна Митрохина

© Алексей Анатольевич Митрохин, 2017

© Мария Михайловна Митрохина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-8349-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я умер. Моё тело нелепо распласталось на мокром асфальте – с утра моросил прохладный сентябрьский дождь. Какие-то люди склонились над бранными останками.

– Живой, что ли?

– Готов! Огнестрельное в голову...

Двое мужчин переглянулись. Один, постарше, схватил мою руку, пытаясь нащупать пульс. Вторым, в круглых очках, сильно смахивающий на студента, нервно теребил пальцами потухшую сигарету.

– Надо бы скорую вызвать.

– Уже не надо. Труповозку впору вызывать, – мрачно съязвил «студент».

– Граждане-товарищи, имейте совесть! Может, у человека детки малые остались, жена-красавица... – запричитала пожилая женщина в кримпленовом пальто апельсинового цвета.

Детей у меня не было. С жёнами тоже не везло. Только в загс – через год «развод и девичья фамилия». «Проклятие вечного жениха» – такой диагноз поставил мне закадычный друг Лёха после очередной бутылки «Жигулёвского». «Нет, ерунду говоришь, – горячился я. – Просто не везёт... И вообще, женитьба – ущемление прав мужской половины человечества». – «Чего?» – удивлялся Лёха, переставая грызть голову несчастной воблы, как-то странно на меня поглядывая. – «Да-да, ущемление! Сам посуди: работаешь, работаешь, корячишься, деньги тащишь, а потом бац – суд и раздел имущества: квартира, машина, шмотки всякие, крыса-шиншилла... Всё заберут бабы. Для кого пахал как проклятый – не понятно». – «А по мне, так без женщин никуда, – философствовал Алексей. – Я вот недавно познакомился с одной девушкой, и знаешь, чем зацепила? Жизнь, говорит, штука тяжёлая, её ещё никто не перенёс. Это ж моя тема, потусторонняя». Лёха действительно увлекался магией, водил дружбу с колдунами и даже участвовал в спиритических сеансах. «Какая девушка? Почему я о ней не слышал? Может, познакомишь, тихушник?» Лёха, помню, пожал плечами, усмехнулся и язвительно произнёс: «С тобой познакомишь... Никогда не забуду Светку с юрфака. Познакомил на свою голову. Ага... Ты ещё врал, мол, не нравится, а сам в первый же день её в постель затащил...» – «Это случайно вышло, ты же знаешь...» – «Знаю, знаю, – издевался Лёха. – И главное, она мне потом говорит: „Да вы так похожи, я и перепутала. Выпила лишнего, прости...“»

Мы и вправду были похожи: рост – метр восемьдесят, волосы русые, одинакового телосложения, хотя я казался худее, потому что следил за весом (старался держать свои килограммы). Любили футбол, пиво, астраханскую воблу, боулинг, ну и девчонок, конечно. На день рождения – тридцать пять лет – Лёха заказал приватный танец в стриптиз-клубе «Одинокие сердца», в двух кварталах от моего дома, после чего я развёлся в третий и последний раз.

– Простите, не подскажете, который час?

Период томных воспоминаний закончился.

– Без пятнадцати одиннадцать, – машинально ответил я, мельком взглянув на огромные электронные часы, эффектно мигающие зелёными огоньками у входа в магазин «Подарки» на другой стороне улицы.

– Будете ждать карету скорой помощи? – грустно спросил всё тот же женский голосок.

– А что делать? Я вроде помер. Может, ангелы за мной прилетят...

– Не прилетят. Хотите прогуляться?

– Куда?

– На вокзал.

– Вокзал? Билетами на тот свет торгуете?

Я оглянулся. За спиной никого не было.

– Вы уже на том свете, – в голосе появились игривые нотки.

– Я что-то не вижу вас, девушка, вы дух?

Моя подозрительность показалась духу забавной.

– Нет. Выражаясь научным языком, энергетическая оболочка, имеющая яйцевидную форму. Её ещё аурой иногда называют. В вашем случае пока невидимая, хотя я вас вполне различаю.

– То есть я разговариваю с энергетическим яйцом?

– А вы шутник. Пойдёмте уже... Смотреть, как санитары будут упаковывать ваше тело, нет никакого желания.

– Подождите, дайте поглядеть на себя в последний раз, ну пожалуйста.

– Успеете... Будут отпевание, похороны... Обычай всякие, в общем...

– Простите, но я не могу разговаривать с человеком, – я запнулся, – яйцом, которого не вижу. Имя у вас есть?

– Разумеется. Меня зовут Лика.

– Виктор Николаевич Смирнов.

Мой официальный тон окончательно развеселил духа.

– Идёмте со мной, Витя, – добродушно произнёс он.

Я покрутил головой, размышляя, куда, собственно, должен идти, как вдруг заметил едва различимый силуэт с некоторыми признаками женского тела. Силуэт медленно проплыл вдоль тротуара, остановившись у моего бездыханного тела.

– Симпатичная куртка, – с любопытством произнёс дух, по-видимому разглядывая окровавленный труп. – Испачкалась, правда, немного. А что там за странная надпись на спине? «ЛОКО»...

– «Локомотив». Наша футбольная команда... С моим другом, Алексеем, всю жизнь за неё болели.

– Так вы, значит, болельщик...

– Фанат, – уточнил я и рассказал Лике, как мы любили свою команду и как каждый выездной матч собирались вместе с другими фанатами в спортбаре, где на больших экранах смотрели футбол. В этом году мы не пропустили ни одного матча.

Неожиданно в кармане куртки зазвонил, а затем бешено завибрировал мобильный телефон. На всю улицу заиграла весёлая музыка в стиле диско. Никто не рискнул побеспокоить мёртвое тело, чтобы достать трубку и ответить на звонок.

– Странная мелодия, точно не мой мобильник, – вслух размышлял я. – Может, кто-то подшутил и специально эту идиотскую музыку в телефон загрузил? И вообще, это не моя куртка. Бейсболка и шарф мои, а куртка... Ничего не помню.

– Не расстраивайтесь, скоро вспомните, – пообещала Лика, удаляясь от места происшествия.

Я послушно поплёлся за духом. А что оставалось делать? Бесконечные вопросы крутились в голове. Действительно, откуда взялась эта куртка, кто меня пристрелил и что здесь, собственно, происходит? Всё казалось каким-то сном, фантазмагорией, и почему-то совсем не было страшно. Даже говорящая энергетическая оболочка не сильно будоражила мой разум. Видимо, в глубине сознания я предполагал увидеть что-то похожее. Хотя, признаюсь, о смерти всерьёз никогда не задумывался. Тем более о своей собственной...

– А-а... Я, кажется, начинаю понимать... – меня осенило. – Местная среда действует на духов, как реактив, наподобие проявителя фотобумаги, и со временем появляется картинка. Угадал?

– Угадал. Только я не дух и не яйцо, – в голосе Лики прозвучала обида. – Я – это я, просто в другом мире. С которым вам, Виктор, ещё предстоит познакомиться.

– Извините, не хотел вас обидеть. Ситуация нестандартная... Ещё пару часов назад отдыхал в спортбаре, а теперь вот с духами общаюсь, прости Господи... А зачем нам на вокзал?

– Мне на поезд, а вам на регистрацию.

– Какую регистрацию?

– Ну как какую... Загробную. Учёт умерших, статистика, канцелярия – всё как положено.

– Лика, вы шутите?

Но Лика не шутила. Неторопливо пересекая тихие, безлюдные улочки, мы наконец вышли на окраину, где начиналась городская свалка. Однако, к своему удивлению, на её месте я обнаружил асфальтированную территорию с различными постройками, одна из которых (самая дальняя от нас) выделялась внушительными размерами. По территории беспорядочно перемещались другие энергетические оболочки. С каждой минутой всё отчётливее вырисовывались силуэты человеческих тел, вечерние сумерки превращались в пасмурный день, а тишина, совсем недавно царившая вокруг, стремительно перерастала в отчётливый недовольный гул. Всё это выглядело очень необычно и напоминало шумный людской муравейник в час пик.

– А вот, собственно, и вокзал с привокзальной площадью, – улыбнулась Лика, заметив мой удивлённый взгляд.

– Всю жизнь живу в городе, но вокзала этого не видел, – задумчиво произнёс я, осматривая площадь. – Где он находится?

– За городом, на пустыре.

– За городом полно пустырей, но вокзала на них нет, – уверенно произнёс я.

– Живые люди его не видят, – пояснила Лика. – Это место предназначено для мёртвых.

– А почему здесь светло как днём? Сейчас вообще-то уже полночь!

– Долго объяснять. Считайте это явление светом в конце тоннеля, – ответила Лика загадочно. – Впрочем, можете узнать что к чему.

– У кого же мне узнать?

– А у кого хотите. Тут полно народу.

– Имеете в виду шныряющие кругом энергетические оболочки? Они уже почти напоминают обычных людей.

– Ничего, скоро привыкнете. Как родные вам станут...

– Кто? Жмурики?

– Фу, Виктор... Где ваше чувство такта? Это одинокие заблудшие души, – тон Лики сменился на романтический.

– Угу, заблудшие... На вокзал...

– Хорошо. Раз вы такой язва, ступайте и разбирайтесь дальше сами. Я и так разболталась, а скоро списки будут вывешивать и посадку объявлять. Может, увидимся ещё...

Лика резко повернула в сторону и стала быстро удаляться.

– Какую посадку? А куда идти-то? – разволновался я.

– Да прямо идите. Видите очередь? Вам туда. Только...

Последнюю фразу я не расслышал. Неожиданно по территории раздался строгий женский голос из громкоговорителя:

– Внимание! Вновь прибывшим гражданам усопшим необходимо срочно пройти на регистрацию. Повторяю ещё раз: необходимо срочно пройти на регистрацию...

Движение энергетических оболочек стало совершенно хаотичным.

– Да что тут происходит? Где указатели? Почему кругом такой бардак? – возмущённый усопший суетился рядом со мной.

«Ну вот, теперь они стали совсем как настоящие». Я машинально отмахнулся от жмурика и уверенным шагом пошёл в направлении, указанном Ликой. Привокзальная площадь была довольно большая – как четыре футбольных поля. На ней располагались два главных сооружения и несколько маленьких строений, разбросанных по периметру. Здание вокзала – основное сооружение – представляло собой величественный особняк с высокими окнами и белыми

колоннами по фасаду. В верхней части, под козырьком крыши, красовались огромные круглые часы с белоснежным циферблатом и длинными фигурными стрелками. В нижней, между колоннами, просматривались массивные деревянные двери с коваными ручками. Над дверью виднелась надпись: «Вход». Сразу за вокзалом, словно две натянутые серебряные нити, пролегло железнодорожное полотно. Здание было немного вытянуто и перекрывало большую часть платформы. Второе сооружение, из красного облицовочного кирпича, имело прямоугольную форму, находилось чуть в стороне и выглядело, будто сказочный домик с ломаной крышей, покрытой зелёной черепицей. С торца домика, от крохотного окошка с металлической решёткой, тянулась длинная извивающаяся очередь. Над окошком висела табличка с надписью: «РЕГИСТРАТУРА». Подойдя к концу очереди, я остановился и вежливо произнёс:

– Кто последний?

«Последний», мужчина кавказской внешности в спортивном костюме Adidas, чёрных лакированных ботинках с острым мысом, окинув меня злобным взглядом, выдавил:

– Ты!

Ругаться совсем не хотелось, тем более через пять минут за мной вырос целый хвост из покойников. «Мрут как мухи», – подумал я.

Хотя окно регистратуры было всего одно, очередь двигалась довольно быстро.

– Зинаида Стеклова, – уже слышалось впереди. – Отравление...

– Следующий.

– Иван Смоллов – ДТП.

– Следующий.

– Полина Дятлова – попытка суицида.

– Попытка удалась, – мрачно заметил стоявший за Полиной бородатый жмурик.

– Суицидников в конец очереди! – зашумела толпа. – Опять вперёд лезут, торопятся, шустрики...

– Спокойно, граждане, у нас все равны, – голос из регистратуры быстро остудил пыл недовольных. – Не волнуйтесь, примем всех. Следующий.

Бородатый мужик, как я позднее узнал, оказался лаборантом какого-то НИИ. Он отравился химикатами, перепутав их со спиртом, – в общем, несчастный случай.

– Кажется, я перед вами занимал, – неожиданно обратился ко мне лысый жмурик, вклиниваясь наглым образом в очередь.

– Вы так думаете? – сказал я раздражённо.

– А что тут думать?

– По-моему, это ошибка...

– Нет уж, позвольте, – заволновался мертвяк, беспокояно оглядываясь по сторонам. – Это же я – Антон Афанасьевич Збруев, бывший администратор гостиничного комплекса «Славянка». Вы ещё интересовались, есть ли у нас номера с бассейном...

– Может, и девочек у вас заказывал? – усмехнулся я.

– Кто его знает... – задумался усопший. – Не припомню уже...

– Гражданин, – грозно выговорил покойник, стоящий за моей спиной, – проходите в конец очереди, имейте уважение к мёртвым людям.

– Гони его оттуда! – снова заголосила толпа. – Умник нашёлся...

– Ну и чёрт с вами! – выругался Збруев, отходя в сторону. – Позже приду, когда истеричных психов поменьше станет.

В это время к окошку регистратуры подошёл мой сосед, кавказец.

– Горячидзе Котэ – ножевое ранение... 30 штук.

Все притихли. Наконец кто-то ёрнически произнёс:

– Из тебя что, шашлык делали?

Очередь одобрительно загудела.

– Сам шашлык! Строитель я. Дома многоэтажные строю, чтоб таких, как ты, шайтан, жильём обеспечить.

– Ага, знаем мы, кого ты хотел обеспечить...

Кавказец отскочил в сторону, кидая гневные взгляды в толпу насмешливых усопших. Я торопливо занял его место.

– Фамилия, имя, причина смерти.

– Смирнов Виктор Николаевич, пулевое ранение, – бодро отрапортовал я, пытаясь прорунуть простреленную голову в маленькое окошко регистратуры.

Внутри находилось просторное помещение с металлическими стеллажами, на которых размещались толстые папки синего цвета. Каждая папка была пронумерована и прошита белыми нитками, завязанными бантиком. За деревянным столом восседала немолодая уже женщина 55—60 лет в вязаной кофте. Она что-то аккуратно записывала в канцелярскую книгу, иногда поглядывая на меня с безразличием.

– Памятку возьмите, слева от вас. Видите, стопка бумаг лежит?

Я схватил одну сверху.

– А дальше что?

Мой вопрос сгинул в недовольном гуле толпы.

– Читайте памятку, молодой человек, там всё написано. И пожалуйста, не стойте как истукан. Отходите, не задерживайте очередь. Следующий.

Меня оттеснила тучная дама с нелепой сумочкой, на которой был изображён весёлый зелёный крокодил. Побродив по привокзальной площади, я заметил одиноко стоящую скамейку с надписью «окрашено». На скамейке с грустным выражением лица сидел администратор Збруев. Мне вдруг стало неловко от того, что я не пропустил его без очереди. В конце концов, мог бы помочь бедолаге.

– Антон Афанасьевич, – участливо произнёс я, присаживаясь рядом, – вы уж извините, что так получилось. Действительно, не припомню я вас...

Збруев тяжело вздохнул.

– Меня никто не помнит, или делают вид. Что за напасть такая. Хроническое невезение.

– В чём же вам не везёт?

– Да во всём! Взять, к примеру, регистрацию. Который раз пытаюсь зарегистрироваться, никак не выходит...

– Что тут сложного? Я сразу на учёт встал, в первый день кончины...

– Понимаете... Как вас зовут, простите?

– Виктор.

– Понимаете, Виктор, – продолжал Збруев, – у меня довольно редкое заболевание... Плохая, знаете ли, память на лица и некоторые события.

– Амнезия, – догадался я.

– Вот-вот... Собственно, из-за неё я остался без работы и в конце концов очутился в загробном мире. Видимо, организм не выдержал тяжёлых нагрузок. Дал, так сказать, сбой...

– Какие у администратора нагрузки? Кирпичи таскать не надо.

– Не скажите, Виктор. Работа, связанная с людьми, всегда сложная и энергозатратная. Короче, сплошная нервотрёпка. Место у нас было тихое и неприметное, – погрузился в воспоминания Антон Афанасьевич, – километров тридцать от города. Кругом сосновый лес и небольшой искусственный водоём с утками... Кроме административного здания, имелись два теннисных корта, площадка для гольфа и несколько деревянных коттеджей. Говоря по правде, к нам в основном пьянствовать приезжали на праздники и в выходные дни.

– Бывал я в таких заведениях, – кивнул я. – Боулинг, бильярд, сауна...

– Именно с боулинга всё и началось, – обречённо вздохнул Збруев. – Как-то заехала к нам шумная компания работников тяжёлой промышленности с Урала. Решили отдохнуть

на природе. Здоровые ребята, под два метра ростом, человек десять и девушка с ними. Сняли самый большой коттедж, всю ночь пили и песни орали, а днём пришли в гостиницу в боулинг играть. Главное, еле на ногах стоят, а всё дорожку им надо. Я ещё тогда понял: намучаюсь с уральцами. Так и вышло. Сначала никак не могли нужный размер обуви подобрать. Ну нет у нас сорок шестого размера. Потом выяснилось, что у них пальцы в дырки шаров не влезают, опухли от пьянства... Так что шары кидали от пуза по высокой траектории. Кегли разлетались на соседние дорожки, отдыхающие стали жаловаться. А кому жаловаться? Правильно, администратору. Подхожу к ним, говорю: «Ребята, может, лучше по водочке вдарите, на пруду посидите, птичек покормите?» А они мне: «Водку неси, там видно будет». И только я спиной повернулся, чувствую – удар по голове, в глазах потемнело... Очнулся в больнице. Врачи сказали, ничего страшного, лёгкое сотрясение мозга.

– А что случилось? – поинтересовался я.

– Подвела уральская техника броска.

– Это как?

– Во время подготовительного замаха шар, находящийся в верхней точке, как раз над головой подвыпившего игрока, соскочил в мою сторону, прямо в темечко. Говорят, рухнул как подкошенный. С тех самых пор у меня начались проблемы с памятью. То ключи от номера перепутаю, то на работу опоздаю, а один раз забыл бар на ночь закрыть, так какие-то гады всё виски вылакали. Короче, уволили меня, без выходного пособия...

– Значит, померли от расстройства, потому что работу потеряли?

– Да нет, ну что вы! – Збруев вяло улыбнулся. – Из-за денег я помер. Из-за чего же ещё...

– Неужели получили наследство и скончались от счастья? – попытался пошутить я. Мне захотелось подбодрить грустного администратора.

– Опять не угадали, – вновь улыбнулся Антон Афанасьевич. – Все свои сбережения я хранил в местном банке, жил на проценты. Однажды мне позвонили и сообщили, что банк лопнул, счета заморожены. От этой новости меня хватил удар. Умер прямо с телефонной трубкой в руке. Санитары никак не могли кулак разжать, чтобы трубку высвободить...

– А с медицинской точки зрения – какой диагноз? – зачем-то поинтересовался я.

– Внутримозговое кровоизлияние. Кажется, так доктор сказала... Кстати, очень симпатичная девушка, только институт закончила...

– Откуда знаете?

– В морге о ней санитары говорили, обсуждали различные нюансы её тела... Они вообще бессердечные люди, с покойниками обращаются, как со скотом, швыряют несчастные тела из угла в угол...

– Фу, – поморщился я. – Не надо про морг...

– Как хотите, – вздохнул Антон Афанасьевич, доставая из кармана знакомый листок бумаги.

– Что это за листок? – подозрительно произнёс я.

– «Памятка усопшему».

– Откуда она у вас?

– Не знаю, второй день в кармане лежит. Выкинуть, что ли?

– Ни в коем случае. Раз есть «Памятка», возможно, вы уже зарегистрировались, просто не помните... Забыли в следствии амнезии...

– Может быть, может быть, – пробормотал Збруев. – Но как узнать?

– Элементарно! Надо попросить работника регистратуры проверить вашу фамилию в журнале.

– Опять очередь занимать? Нет уж, увольте! Эти злобные мертвяки ещё хуже санитаров из морга. Никакой культуры. Ногí моей в регистратуре не будет, даже не уговаривайте...

Антон Афанасьевич вскочил со скамейки и стал нервно прохаживаться взад-вперёд.

– Да вы успокойтесь. Хотите я узнаю?

Збруев застыл, с любопытством взглянув на меня.

– Спасибо, конечно, – медленно произнёс он. – Но чем, собственно, обязан?

– Ничем, – улыбнулся я, вставая. – Мы же должны помогать друг другу... Хотя бы на том свете.

Подойдя к регистратуре, я остановился неподалёку от окошка, выжидая подходящего момента. Несколько мертвяков недовольно зашумели, злобно поглядывая на меня.

– Памятку забыл взять, секундное дело, – соврал я.

– Башку свою не забыл взять? – раздражённо пробурчал какой-то жмурик. – Так и норовят без очереди влезть, аферисты!

– Только одну минуту, – пообещал я, просовывая простреленную голову в освободившееся окно. Сотрудница регистратуры внимательно посмотрела в мою невинную физиономию.

– Девушка, простите, я забыл взять «Памятку усопшему».

– Ну так берите, – кивнула она в сторону бумажной стопки. – И ступайте, нечего очередь задерживать.

– А можно уточнить? Вы правильно мою фамилию записали? – я изобразил на лице туповатую гримасу.

– Чего? – от удивления «девушка» подпрыгнула на стуле. – С ума, что ли, походили? Белену перед смертью не употребляли случайно?

– Да я так интересуюсь, для порядка. Понимаете, привычка осталась – всё перепроверять.

– Мы никогда не ошибаемся. Как фамилия?

– Збруев Антон Афанасьевич, – выпалил я, стараясь не смотреть женщине в глаза.

– Так, опять Збруев... Третий раз за сегодня эту фамилию слышу. Передайте вашему маразматике, что он давно зарегистрирован, и не приходите сюда больше. Следующий!

Я отскочил от окошка.

«Какая грубиянка, а ещё работник загробного мира», – усмехнулся я про себя, направляясь к Антону Афанасьевичу. Бывший администратор сидел на скамейке, понутив лысую голову. Заметив меня, он сразу оживился.

– Как дела, Виктор?

– Прекрасно! – бодро сообщил я. – Фамилия Збруев внесена в загробную картотеку.

– Слава тебе Господи! – зачем-то перекрестился Антон Афанасьевич.

– Но это ещё не всё...

– А что такое?

– Ваш порядковый номер по журналу мертвяков ровно 666 миллионов. Так что собирайтесь, вас отправляют обратно в мир живых.

– Куда? – удивился бывший администратор, испуганно втянув голову в плечи. – Почему меня?

– Потому что 666 – несчастливое число в потустороннем мире... Примета плохая, а народ тут хоть и мёртвый, но жутко суеверный, – с трудом сдерживая смех, сказал я. – Идите к капсуле возврата, она переместит вашу оболочку в телесное существо. Очнётесь в реанимации, в больнице...

– Ха, капсула возврата... Надо ж такое придумать, – наконец-то улыбнулся Антон Афанасьевич, уловив мой ироничный тон. – Такой капсулы не существует.

– Вам-то откуда знать, вы всё равно ничего не помните...

– У меня частичная потеря памяти, – насутился Збруев.

– Не обижайтесь, я просто хочу поднять настроение. Вид у вас больно жалостливый.

– Спасибо. Вы единственный, кто мне помогает. Сколько здесь нахожусь, таких отзывчивых усопших ещё не встречал.

– А давно вы находитесь в загробном мире? – поинтересовался я, ощутив приступ лёгкого зазнайства.

– Не знаю. Давно, наверное...

– Может, посоветуете, куда податься вновь прибывшему усопшему?

– Нет проблем, – участливо произнёс бывший администратор и уже собрался сообщить необходимую информацию, но неожиданно замер, так и не проронив ни слова.

– В чём дело? – осторожно спросил я. – Обет молчания приняли?

– Забыл, – с досадой сообщил Збруев, сокрушённо помотав головой. – Всё забыл. Что за напасть такая!

– Ясно, – вздохнул я.

– Погодите, – воскликнул бывший администратор, шустро подскочив со скамейки. – Вы ведь никуда не торопитесь?

– Скажете тоже.

– Есть у меня один знакомый, он все достопримечательности знает... На вокзале ошивается. Я за ним схожу, а вы здесь подождите.

– Хорошо, изучу пока «Памятку». Только не забудьте про меня.

– Ни в коем случае, – уверенно выговорил Збруев и умчался в неизвестном направлении.

Я присел на окрашенную скамейку, достал из кармана загробный документ и прочитал: «Памятка усопшему. Внимательно ознакомиться».

Так я стал зарегистрированным усопшим потустороннего мира.

Глава 2

Первое, что мне бросилось в глаза, – это реклама: «Если Вы умерли, не отчаивайтесь. Мы всегда рады Вас видеть в нашем кафе «Нежданная встреча». Далее следовала подробная инструкция, как попасть в это самое кафе.

«Надо бы зайти, всё равно делать нечего», – подумал я, переводя взгляд на первый пункт памятки, который гласил: «Всем вновь поступившим усопшим, прибывшим на пункты перераспределения (именуемые далее вокзалами), в обязательном порядке необходимо пройти первичную регистрацию».

«А что, у них ещё и вторичная есть? – мелькнуло в голове. – Интересно, какую я проходил?»

Далее шёл пункт второй: «Зарегистрированным усопшим надлежит проследовать в зал ожидания, где находятся информационные стенды с указанием ФИО лиц, отбывающих на ближайшем поезде в конечный пункт назначения. Информация обновляется каждые 2 часа». Пункт третий: «В случае, если Ваша фамилия указана на стенде, необходимо пройти на железнодорожную платформу для посадки. Проводники вагонов укажут Ваше место. За 30 минут до прибытия поезда дежурный по вокзалу сделает соответствующее объявление».

Затем шла реклама магазинчика загробных товаров, схема территории с обозначением различных объектов, ещё какая-то «полезная» информация, бегло прочитанная мною, и, наконец, последним пунктом предлагалось по всем остальным вопросам обращаться в справочную, находящуюся внутри вокзала, а также приобрести «Путеводитель по загробному миру» в любых торговых павильонах.

Мне отчего-то вспомнилось, что в древнегреческой мифологии за проезд в загробный мир через реку Стикс перевозчику душ давали одну монету за покойника. У меня денег не было, и это стало напрягать. Действительно, а как же билеты на поезд, кафе, магазины? Явно не хватало информации. К тому же куда-то запропастился Збруев. Видимо, всё-таки забыл обо мне.

Решив, что ждать больше бывшего администратора не имеет особого смысла, я поднялся со скамейки с твёрдым намерением переместиться в здание вокзала, как вдруг услышал за спиной женский голос с характерным окающим акцентом. Я обернулся.

– Вас случаем не Виктором зовут? – поинтересовалась дородная дама преклонного возраста, облачённая в синий сарафан с бежевым фартуком. Руки у женщины были пухлые, местами красноватые и чуть влажные, как будто её только что оторвали от мытья посуды или полоскания белья в деревенском пруду.

– Виктор Смирнов, – представился я, кивнув головой. – Должен предупредить: моющими средствами временно не торгую.

– Смешной вы, однако, – добродушно промолвила женщина, окинув меня материнским взглядом.

Мне сразу стало совестно за свои неуместные шуточки.

– Антон Афанасьевич говорил, что вы шутник...

– Антон Афанасьевич? – зачем-то повторил я. – И где он?

– В реабилитационном центре. Его наш доктор не отпустил. Бойтся, дорогу назад не найдёт, заблудится. Такое с ним часто случается. Уйдёт куда-нибудь – и с концами...

– То-то, я смотрю, нет его, все глаза проглядел.

– Да вы не волнуйтесь, с ним всё в порядке. А доктор у нас хороший, хоть и молодой ещё... Зато внимательный, обходительный, не то что врачи в городских поликлиниках, – женщина махнула рукой, будто отгоняя назойливых мух. – Антон Афанасьевич сказывал, новенький вы у нас, только померли. Вот доктор и прислал за вами.

– Хотите в центр реабилитации покойников меня проводить? – поинтересовался я.

– Да какой там центр! Небольшое помещение в здании регистратуры. Вадим Иннокентьевич (так доктора зовут) желает пообщаться, может, подскажет чего. Знаете, какой он умный! Целую академию закончил... Академик, значит...

– Отчего же не поговорить? – пожал я плечами. – Ведите к вашему академику, всё равно делать нечего. Звать-то вас как?

– А просто называй – баба Даша. Меня все так величают, – женщина неожиданно резво развернулась и семенящей походкой направилась к кирпичному зданию.

Я поплёлся за бабой Дашей. Через некоторое время мы оказались у регистратуры. «Уже третий приход за сегодня», – усмехнулся я про себя. Однако на этот раз мы обогнули сооружение с другой стороны и сразу наткнулись на деревянную дверь, обитую плотной коричневой тканью под кожу. На двери висела табличка из тёмного пластика с надписью: «Центр психологической поддержки» – и чуть ниже: «Доктор Заболотный В. И.»

Баба Даша приоткрыла дверь, просунула голову в образовавшийся проем и с почтением произнесла:

– Вадим Иннокентьевич, привела усопшего, как просили. Куда его?

– Как куда? – послышался молодежавый голос. – Приглашайте в кабинет, пусть заходит.

– Ага, – засуетилась баба Даша, освобождая проход. – Заходи, милоч, не стесняйся. А я за дверью подежурю. Если что, зовите...

Я зашёл в кабинет – маленькое помещение площадью около двадцати квадратных метров. В нём размещался длинный, почти во всю комнату т-образный стол, во главе которого восседал на деревянном стуле молодой парень лет двадцати восьми, тощий, как подиумная модель Giorgio Armani. На парне были надеты вишнёвый трикотажный кардиган и голубая рубашка в мелкую клетку. Серые беспокойные глаза с любопытством рассматривали мою безразличную физиономию. Взгляд у него был проникающий, пристальный. Именно таким взглядом смотрят на подопытных животных в лабораториях, фиксируя реакцию на различные препараты.

– Присаживайтесь, – вежливо предложил Вадим Иннокентьевич, указывая на деревянные стулья, расставленные вдоль стола. Их было аж восемь штук. Я на секунду задумался.

– Куда?

– Куда хотите, – улыбнулся доктор и вкрадчиво добавил: – Поближе ко мне...

Я уселся на самый ближний к Заболотному стул, по левой стороне стола.

– Меня зовут... – начал доктор.

– Знаю, Заболотный Вадим Иннокентьевич, – закончил я за него. – Доктор-мозгоправ из центра реабилитации мёртвых душ.

Вадим Иннокентьевич удивлённо поднял брови:

– С чего вы взяли?

– На двери написано, – усмехнулся я. – Читать не пробовали?

– Там такого не написано.

– Умею читать между строк.

– Ясненько, – задумчиво пробормотал доктор, открывая верхний ящик рабочего стола.

Оттуда он достал толстую записную книжку и что-то быстро записал. Затем, мельком взглянув на меня, слащавым голосом поинтересовался:

– А в разговоре тоже можете читать?

– Чего? – не понял я.

– Ну, между слов... Скажем, я говорю одно, а вы понимаете всё по-другому?

Меня начал нервировать этот врач-малолетка.

– Могу, а вам зачем?

– Для работы, разумеется. К примеру, придёт ко мне на приём нервный покойник, начнёт всякую чепуху нести, а я ему бац – и в корень!

Заболотный внезапно стукнул кулаком по столу. От неожиданности я дёрнулся в сторону.
– Сидите спокойно, – нервно произнёс Вадим Иннокентьевич, скорчив зловещую гримасу,

«Псих какой-то», – мелькнуло в голове.

– Что скажете? – не унимался врач. – Поделитесь секретом чтения мыслей?

– Никакого секрета нет. Эта аномалия образуется при рождении на генетическом уровне и развивается с течением времени.

– Понятно, – Заболотный сделал очередную пометку в блокноте. – А другие, как вы говорите, аномалии у вас имеются?

– Это какие?

– Ну не знаю, телепортация, телекинез...

– Есть одна, – заговорщицки произнёс я.

Вадим Иннокентьевич отложил блокнот и потянулся ко мне.

– Какая? – почти шёпотом спросил он.

– Доктор, я вижу мёртвых.

– Ясно, – с досадой выговорил Заболотный, вновь беря записную книжку. – Так и запишем: «С чувством юмора у нас всё в порядке».

– Что-то не пойму, – раздражённо заметил я. – К чему эти расспросы? Пациентом к вам я не записывался.

– Не надо нервничать, – убаюкивающе пробормотал Вадим Иннокентьевич. – Конечно, не пациент. Просто мне необходимо тренироваться, развивать служебные навыки, переводить, так сказать, теоретическую базу в область практического применения. А для этого нужно больше общаться и всё аккуратно записывать.

– Тренируйтесь на кошках, – вспомнил я крылатую фразу из известного кинофильма.

– Напрасно вы так, – с обидой произнёс доктор. – За время профессиональной деятельности я провёл некоторые исследования и установил довольно любопытные особенности из жизни покойников...

– Жизни? – ехидно спросил я. – И какие?

– Например, что все усопшие условно делятся на две категории: пессимисты, общий девиз которых: «Я умер, всё пропало» – и сдержанные оптимисты, с позитивным настроем: «Всё, что ни делается, – к лучшему». Вы, как мне кажется, относитесь ко второй категории, к извращённой её версии злорадного оптимиста с лёгкими признаками невротического иронизма.

«Псих-маразматик», – сделал я про себя окончательное заключение, посмотрев ещё раз в бездонные серые глаза загробного доктора.

В это время в дверь Заболотного постучали.

– Да-да, войдите, – быстро отреагировал Вадим Иннокентьевич, убирая записную книжку в ящик стола.

– Можно? – пролепетал мужской голос.

Дверь открылась, в кабинет вошёл заплаканный покойник интеллигентной внешности и рухнул на первый попавшийся стул у дальнего края стола. Обхватив кучерявую голову обеими руками, мертвяк завыл писклявыми нотками, бормоча под нос бессвязный набор слов. Заболотный тут же поднялся, подошёл к хныкающему жмурику и присел рядом.

– Ну, будет, будет, Порфирий Петрович, – участливо произнёс он. – Помните, как я учил... Вдох – выдох, вдох – выдох...

– Доктор, я не чувствую воздуха, неужели я умер?

– Конечно, умерли, но не стоит так переживать! Смотрите, – Заболотный указал на меня маленьким пальцем, – товарищ тоже умер, но совсем не расстраивается. Даже наоборот, с юмором покойничек попался, любопытный экземпляр.

– Не могу поверить, – вновь заныл мертвяк.

– А вы поверьте, – с энтузиазмом воскликнул Заболотный. – Отбросьте сомнения, начните с нуля. Вспоминайте. Американская программа «12 шагов». Неужели забыли?

Порфирий Петрович неожиданно перестал реветь, выпрямился и торжественно произнёс, почему-то обращаясь ко мне:

– Здравствуйте, меня зовут Вдовцов Порфирий Петрович, и я покойник.

– Рад за вас, – мрачно сказал я.

– Нет-нет, – обратился ко мне Заболотный. – В соответствии с методикой вы тоже должны произнести эту фразу.

– Зачем?

– Когда усопший узнает, что он не один такой, ему становится легче.

– Странная методика.

– Заграничная, на основе популярной программы 30-х годов, разработанной обществом анонимных алкоголиков. В основе лежит правило 12-ти шагов, первое из которых требует от пациента полного признания того, что он алкоголик.

– То есть вы взяли антиалкогольную методику и применили её для профилактики лечения загробного психоза?

– Вот именно, – Заболотный удовлетворённо потёр тощие ручки.

– Надеюсь, вы не собираетесь перечислять все эти правила?

– Нет, вам они не нужны.

– А что мне нужно? – поинтересовался я. – Что вы там записывали в блокнот?

– Ничего особенного... – немного замялся Вадим Иннокентьевич. – Некоторые соображения насчёт вашего диагноза.

Я удивлённо посмотрел на Заболотного.

– Какого диагноза? Только не изображайте из себя светило медицинской науки в области психиатрии.

– Полагаю, у вас все симптомы аффективного психоза. Судите сами: внезапная смена настроения, повышенная подозрительность, неуместная ирония, возбуждение... Хотя, надо признать, болезнь протекает в лёгкой форме. Волноваться не стоит.

– И что же вы мне посоветуете, доктор? – произнёс я с издёвкой.

– Вам надо больше ходить и общаться. Прогуляйтесь по привокзальной площади, посетите кафе, познакомьтесь, в конце концов, с другими усопшими.

– Отличная идея, но прежде чем уйти, хотелось бы знать, куда вы спрятали администратора Збруева? Томится в холодных загробных казематах?

– Увы, не угадали, – улыбнулся Заболотный. – У Антона Афанасьевича хроническая потеря памяти. Он отчего-то считает необходимым ежедневно регистрироваться в потустороннем мире. Поэтому, если желаете его увидеть, идите и занимайте очередь, он скоро объявится. Впрочем, вас Збруев уже не помнит, посему прошу не тревожить его несчастную психику. Неизвестно, выдержит ли мёртвый мозг бывшего администратора ваши постоянные шуточки.

– Приму к сведению, – отрезал я, выходя из кабинета мозгоправа. На улице меня ожидала баба Даша.

– Ну как, поговорили с доктором? Правда, он очень умный?

– Поговорил. Хотите толковый совет? Держитесь от него подальше.

– Да что вы такое говорите! – баба Даша замахала руками.

– Я вас предупредил, – заговорщицки произнёс я, удаляясь в сторону вокзала.

Баба Даша провожала меня жалостливым взглядом. Так смотрят на больного ребёнка, которому хотят помочь, но не могут, потому что уже бесполезно...

Знакомиться заново с бывшим администратором Збруевым мне не хотелось, поэтому я решил воспользоваться советом доктора Заболотного и направился в кафе «Нежданная

встреча». Кафе (согласно инструкции) находилось в здании вокзала на втором этаже. У входа в здание собралась возмущённая толпа покойников.

– Мы хотим видеть начальника вокзала, – шумела толпа. – Почему не вывешивают списки? Где начальник? Начальника давай!..

«Не покойники, а беспокойники какие-то... Хорошо всё-таки быть бестелесным существом, – размышлял я, плавно скользя сквозь энергетические оболочки. – И ты никому не мешаешь, и тебе никто ноги не давит. Красота!»

Между тем к толпе вышел мужчина в форменной рубашке фисташкового цвета, галстук и фуражке с металлической кокардой. Подтянув наглаженные брюки, он устало посмотрел на мертвяков и произнёс монотонно:

– Граждане усопшие, успокойтесь, списки будут с минуты на минуту.

– А где начальник вокзала? – вновь выкрикнули из недовольной толпы.

– Вам, Спиридонов, я отвечу, – работник станции повернулся к возмущённому духу, в голосе послышались железные нотки. – Если не прекратите будоражить массы, вы отсюда и через тысячу лет не уедете.

Усопший Спиридонов мгновенно ретировался.

Внутри вокзала было не протолкнуться. Повсюду мелькали тела усопших. Особенно много их скопилось возле двух информационных стендов, представляющих собой трёхметровые фанерные блоки. На стендах под стеклом висели белые листы бумаги с фамилиями отбывающих. Сразу за стендами просматривался сквозной проход, ведущий к единственной платформе, на которой, впрочем, никого не было.

«Технический прогресс этого мира не коснулся», – размышлял я, поднимаясь на второй этаж.

– А, Виктор! Вот вы где! Думала, вас не увижу...

Как же я обрадовался этому нежному голоску.

– Пойдёмте знакомиться с моими друзьями, – голос Лики звучал как музыка.

Наконец я смог разглядеть свою спутницу. Передо мной стояла худенькая невысокая девушка лет двадцати пяти, в ситцевом платье чуть выше колен и босоножках на небольшом каблучке. Каштановые волосы едва касались её хрупких плеч, на бледном лице сияла милая улыбка.

– А ваша оболочка неплохо выглядит.

– Правда? – смущённо пролепетала Лика. – И как вы меня представляете?

Я почувствовал подвох.

– Обнажённой двухметровой нимфой с четвёртым размером груди, в чёрных облегающих ботфортах, со страусиными перьями на голове, – выпалил я.

– Ну и фантазия у вас... – удивилась девушка. – Следуйте за мной.

На втором этаже ничего особенного не было: небольшой зал ожидания и кафе – несколько десятков круглых столов, накрытых белоснежными скатертями с изображением странного летающего существа, напоминающего жар-птицу из детских сказок.

– Это Феникс, – шепнула мне Лика. – Обладает способностью возрождаться.

– Очень актуально, – тоже шёпотом произнёс я.

За некоторыми столами сидели усопшие – группами и поодиночке. Группы оживлённо беседовали между собой, иногда повышая голос и агрессивно размахивая руками. Одиночки медитировали, уставившись в одну, известную только им точку. Еда на столах отсутствовала, столы вообще были пустыми.

– Лика, мы здесь! Идите к нам! – послышался возглас с дальнего столика.

– Идём, идём, Андрей Борисович, – бодро ответила Лика, пустившись вприпрыжку. Когда я подошёл, девушка уже сидела за столом, весело улыбаясь и показывая на меня маленьким пальчиком.

– Знакомьтесь, это Виктор, – сказала она. – Мой новый друг.

Я встал по стойке смирно. Четыре мертвяка с любопытством уставились на меня. Наступила пауза.

– Разрешите представиться, – наконец произнёс один из них. – Андрей Борисович Лощинский – профессор, доктор филологических наук, загробный стаж год и два неполных месяца, старожил, так сказать.

Профессор был подчёркнуто корректен.

– Смирнов Виктор Николаевич. Инженер-программист. Женат три раза, сейчас в разводе, – я многозначительно посмотрел на Лику. – Настраиваю принтеры в офисах.

Никто даже не улыбнулся.

Андрей Борисович Лощинский – профессор классического типа, высокий, худощавый пожилой мужчина, с тонкой седой бородкой, обрамляющей морщинистое лицо, вытянутым длинным носом, с кончика которого свисали продолговатые очки в металлической оправе. Выпирающий лоб и блестящая лысина выдавали в нём глубокого мыслителя, закончившего какой-нибудь философский трактат на тему: «Культурная революция народов Севера и её роль в освоении Сибири». Профессор щеголял в приталенном костюме мышинового цвета. На лацкане пиджака был прикреплён металлический значок с едва различимой надписью: «Институт филологии и истории РАН».

– Ну что же вы, товарищи, не стесняйтесь, – Лощинский посмотрел на грузного мужчину в чёрном суконном балахоне с красивой золотистой пентаграммой на груди. Пентаграмма была заключена в окружность и висела на длинной цепочке сложного плетения типа Cartier. На кончиках символа блестели красные камни, напоминающие рубины. У мужчины было гладкое желтоватое лицо с широкими густыми бровями, маленьким носом и пухлыми губами. Тёмные выющиеся волосы, расчёсанные на прямой пробор, падали на крупные мясистые плечи, глубоко посаженные карие глазки хитро посматривали на меня. «Аферист», – сразу решил я.

– А мне стесняться нечего. Ростислав Ббян, потомственный тувинский шаман-целитель. Общаюсь с духами, снимаю негативные последствия, ищу пропавшие предметы. И не только.

– Я вот хотела спросить, Ростислав, где ваш бубен? – с иронией поинтересовалась Лика. – У всех шаманов должен быть бубен. Говорят, он нужен для возвращения в материальный мир из мира духов. Потеряли, что ли?

– Если вам угодно знать, мисс хохотушка, бубен не единственный атрибут шамана. Сами подумайте, в городских условиях в бубен не постучишь.

– Ага, сразу в бубен получишь. У нас на районе уж точно, – мрачно выговорила молоденькая девушка, сидящая слева от шамана.

– Ой, что я слышу, немая заговорила, – издевательски изрёк Ростислав и, обращаясь ко мне, добавил: – Вот, Виктор Николаевич, знакомьтесь, Ксения Александровна Устинова. Представитель современной молодёжи. Наглая и невоспитанная девушка. К тому же постоянно молчит.

– Она выражает протест, – пожал плечами профессор. – Во все времена так было. Вспомните у Тургенева: «Отцы и дети». Базаров, нигилизм.

– Про детей понятно, – усмехнулся шаман. – А кто тут отец? Вы, Андрей Борисович?

Лика неожиданно громко рассмеялась.

– А что, – сказала она, – профессор сойдёт за папика. – По возрасту точно подходит.

Андрей Борисович укоризненно покачал головой, пробурчав под нос:

– Какой ещё папик...

– Признавайся, Ксюша, Лощинский твой папа? – продолжал подтрунивать Ростислав. – Чего молчишь? Я же говорю, немая...

– Я не немая... Я сосредоточенная, – девушка обиженно отвернулась, уставившись в напольное покрытие.

– Да ладно тебе, – миролюбиво произнёс шаман, – не обижайся... Ну хочешь, сделаю установку на удачу или приворот на понравившегося жмурика?

– Дурак!

По лицу Ксюши пробежал нервный румянец.

Ксения Александровна Устинова, как я узнал позднее, попала в потусторонний мир совершенно случайно. В девятнадцать лет мало кто думает о смерти и бережёт себя. Этот период жизни, называемый, согласно Малой медицинской энциклопедии, юношеским периодом, характеризуется активным познанием мира и всего сущего. Естественно, мир познаётся лучше в компании молодых людей, под лёгкую и не очень музыку, небольшим наркотическим кайфом, в приятном полупьяном общении. То есть на дискотеках и в ночных барах. Именно в одном из таких заведений немногословная Ксюша случайно обидела подвыпившую даму, по неосторожности назвав её «быдлом», за что тут же получила бутылкой шампанского по голове. Удар был не особенно сильным, да только пришёлся в височную область черепа, от чего Ксюша потеряла сознание и утром следующего дня отошла в мир иной.

В сущности, Ксения напоминала мальчишку-тинэйджера с короткой стрижкой, как у облезлого цыплёнка. Под её тонкими дугообразными бровями недобро поблёскивали зелёные глаза. Одежда тоже соответствовала имиджу: белая облегающая майка с изображением сидящей чёрной кошки и надписью: «Брюнетки правят миром» (хотя цвет её волос с коричневым оттенком больше выдавал шатенку), а также синие джинсы и серые кроссовки New Balance с розовыми шнурками.

– Не расстраивай Ксюшу, Ростик, – грубый басистый голос внезапно привлёк моё внимание. – Лучше ответь, как выпускник физического института стал потомственным шаманом?

– Я тебе объясню, Федя, – с издёвкой произнёс Ростислав. – Ещё на третьем курсе, на тренировке, Сашка Кожедуб, сосед по общаге, случайно попал молотом в мою голову, после чего у меня открылись чакры. Я вдруг понял, что моё призвание в жизни – не тяжёлая атлетика, а помощь людям, которым и пойти-то больше некуда, кроме как к нам, народным целителям...

– А сколько денег брал, демагог?

– Всё по прайсу, без обмана: очищение – 2500 рублей, избавление от алкогольной зависимости – 5000, прогнозы, предсказания – в зависимости от сложности поставленной задачи, ну и гвоздь сезона – связь с умершими родственниками клиента – 25000 рублей за сеанс. А ещё новогодние скидки 20%. Всё в пределах разумного...

– Рвач-хиромант! – сквозь зубы процедила Ксюша.

– Точно, – заулыбался Федя и, обращаясь ко мне, произнёс без церемоний: Фёдор Кравчук. Мастер на все руки. Могу столяром, могу сантехником... Короче говоря, по хозяйству. Жертва разгильдяйства работников коммунальных служб. В состоянии сильного алкогольного опьянения абсолютно случайно угодил в канализационную шахту. Ну и вонь там, однако! Да ты не стесняйся, спрашивай, что непонятно. Вопросов, небось, много накопилось...

Кравчуку было не больше сорока лет. Вся его внешность выдавала «своего в доску» парня. Русые волосы, светло-голубые глаза, трёх- или четырёхдневная щетина, мясистый нос с перебитой переносицей, как у боксёра, едва заметный шрам на левой щеке, крупное телосложение – наверное, это всё, что можно сказать. Одет Фёдор был просто: коричневые сандалии с чёрными носками, широкие брюки серого цвета с большими накладными карманами и синяя хлопковая рубашка с «огурцами» и высоким воротником. Рубашка была расстёгнута на несколько пуговиц до упругого пивного живота и оголяла широкую грудь повышенной волосатости. На груди поблёскивал золотой крестик.

– Да... – протянул я. – Вопросы у меня имеются... Вернее два.

– Правда? И какие?

– Что, собственно, происходит и куда я попал?

– Очень примитивные вопросы, – улыбнулась Лика. – На них даже я могу ответить. Вы умерли и попали в потусторонний мир.

– И что это за место? Кто здесь главный?

– А вот это совсем другие вопросы... Впрочем, квалифицированно ситуацию может объяснить наш многоуважаемый профессор Лощинский.

Я перевёл взгляд на Андрея Борисовича.

– А какая версия вас интересует, упрощённая или в развёрнутом виде? – профессор с интересом посмотрел на меня.

– Любая, мне торопиться некуда, – ответил я, взял стул от соседнего столика и, усевшись, превратился в слух.

– О!.. Давайте послушаем научную лекцию в десятый раз, а то что-то скучно стало, – ехидно произнёс шаман.

Глава 3

– Видите ли, молодой человек... – начал профессор, – я сам долго разбирался что к чему и пришёл к выводу, что всем заправляет энергия, и не просто энергия, а энергия в чистом виде, сконцентрированная в мощные силовые потоки. В этом, так сказать, потустороннем мире не действуют общепринятые законы физики, а всё подчиняется своим законам, главной и единственной составляющей которых является энергия. Поймите, Виктор, всё, что вы видите вокруг, – этого нет, это плод воображения, который создаёт ваше энергетическое поле.

– Да ладно, – усомнился я, – вас я прекрасно вижу. Высокий лысый старик с седой бородкой, в очках и синем галстуке...

– Вы видите только то, что хотите видеть. Рассказать, как я выглядел в мире живых? На момент смерти мне едва исполнилось 53 года, в моих густых чёрных волосах вы не нашли бы ни единого седого волоса, а мой рост составлял 1 метр 72 сантиметра, и я никогда не носил бороду, это вообще не модно.

– Да ну! – я почесал затылок. – Лица, а вы тогда как выглядите?

– Как голая нимфа, – девушка мило улыбнулась.

– Итак, – продолжал Лощинский, – схема загробного перевоплощения представляется, вероятно, следующим образом: после смерти энергия покидает физическое тело, трансформируясь в сгусток силового поля. Это поле формирует энергетическую оболочку, перенося в неё накопленную индивидом информацию.

– Какую информацию? Жизненный опыт?

– Пусть будет опыт, – отмахнулся профессор. – Не важно. Информация содержит данные о человеке и окружающем мире, каким он его запомнил. Поэтому усопший, оказавшись в потустороннем мире, видит не только мир мёртвых, но и мир живых. И видит его таким, каким привык видеть в повседневной жизни. Те же дома, улицы, города. Для него ничего не меняется. Просто к обычному миру добавляется необычный, потусторонний.

– Получается, человек после смерти оказывается в двух мирах одновременно?

– А может, и не в двух, – загадочно произнёс Лощинский. – Впрочем, это отдельный разговор... В сущности, смерть есть не что иное, как процесс перемещения энергии из физической оболочки в энергетическую. Вам знакомо выражение: «испустить дух»? Так вот, дух – это и есть энергия, а усопшие, соответственно, – энергетические оболочки.

– И откуда берётся энергия?

– Отовсюду! Все организмы, включая простейшие одноклеточные, наделены энергетическим полем, или, если хотите, жизненной силой. И существуют они до тех пор, пока в них остаётся энергия. Поэтому основная функция любого организма – сохранение своей энергии. А оптимальный биологический контейнер для хранения, по моему мнению, – человек, поскольку он обладает рядом преимуществ перед другими организмами. Да и искусственными хранилищами тоже.

– Искусственными?

– Созданными из неживой материи. Те же аккумуляторные батареи вполне способны сохранять энергию некоторое время. Или, к примеру, пружины в часовых механизмах. Да мало ли какие ещё устройства могут появиться в будущем. Прогресс не стоит на месте. Но всё равно лучше человека не найти.

– Неужели?

– Да-да! Именно человек имеет самый мощный природный компьютер – мозг. Помещённая в него энергия способна полностью контролировать тело, управлять его органами, включать, если надо, систему самосохранения, заставлять клетки излечивать друг друга и противостоять враждебной среде. Мозг устроен таким образом, что в нём отсутствуют какие-либо

детали, схемы и плата. Его невозможно засорить программными вирусами, и он не требует внешних источников питания. Это биологическая масса, в которой нечему ломаться. Конечно, мозг есть и у других биологических видов, но, с точки зрения выживаемости, человеку нет равных на нашей планете.

– Получается, энергия сосредоточена в голове?

– Я в этом уверен. А тело – обычная оболочка, осуществляющая защитные функции. Оно, кстати, обладает важной особенностью – способностью к регенерации. Нанесённые человеку раны, как правило, быстро заживают, а некоторые внутренние органы, скажем печень, могут полностью восстанавливаться. К тому же продолжительность жизни человека составляет около 70 лет (это лучший показатель среди млекопитающих) и с каждым годом растёт, как, впрочем, и общая численность населения. Сейчас она насчитывает более 7 миллиардов, а годовой прирост – около 70 миллионов. Если предположить, что энергия при размножении частично передаётся потомству и с его ростом также возрастает, то получается, что человек является не только контейнером для хранения уже существующей энергии, но и увеличивает эту энергию в пределах ежедневного прироста. Другими словами, за год дополнительно появляется 70 миллионов силовых полей, образующих энергию. А ведь кроме человека на Земле обитает почти 8 миллионов видов организмов! И это не считая грибов и растений, общую численность которых подсчитать вообще невозможно... В любом случае после смерти высвобожденная энергия помещается во вновь образовавшийся организм, сохраняя при этом все изначальные свойства. Этот процесс, безусловно, носит циклический характер, подчиняясь следующему принципу: «Чтобы энергия сохранялась, система, в которой она существует, должна быть изолированной».

– Очень смахивает на Закон сохранения энергии. Мы его ещё в школе изучали.

– Согласен, но с одним существенным отличием. Данный принцип подразумевает не только сохранение, но и рост энергии.

– И кем установлен этот принцип?

– Об этом мы узнаем, сойдя с загробного поезда на станции назначения, – сказал профессор.

– Значит, человеком управляет энергетическая субстанция, сконцентрированная в мозге, – попытожил я.

– Да, я уже говорил, – пожал плечами Андрей Борисович.

– Но ведь известно, что мозг задействован всего на 10 процентов. Раз энергия контролирует тело, почему бы не сделать людей умнее? Они бы тогда жили дольше или вообще стали бессмертными и, следовательно, вечными контейнерами для хранения.

– На сколько задействован мозг, никому точно неизвестно, но, думаю, если понизить уже существующий процент, люди отупеют и умрут с голоду, а если повысить – придумают супербомбу и взорвут планету. Видимо, существует некий баланс, который понемногу меняется в сторону увеличения мозговых извилин, но не сильно, чтобы человек не навредил себе и своей энергетической субстанции.

Профессор сделал небольшую паузу.

– Ну как, Виктор, ответил я на ваши вопросы? – поинтересовался он с улыбкой.

– Вполне, – кивнул я. – А можно ещё один, на отвлечённую тему?

– Извольте.

– Мне отчего-то кажется, что я по-другому всех вижу, не так, как они выглядели в мире живых.

– Что вы говорите? – вновь улыбнулся профессор, обнажив ровные желтоватые зубы.

– Да-да. Взять, к примеру, Лику, – я пристально посмотрел на девушку. – Она для меня – стройная худышка, с голубыми глазами, в белом ситцевом платье в крупный чёрный горошек.

– Ну и...

- А вдруг это не соответствует действительности?
- Какой действительности?
- Той самой, в которой она проживала до потустороннего мира.
- А вы философ... Впрочем, спросите у неё, чего голову ломать...

Все устали на Лику.

– Так я вам и сказала, – делано возмутилась она. – Думайте, что хотите...

– Давайте я объясню, Виктор, – добродушно произнёс Лощинский. – У человека, с точки зрения ощущений, есть пять основных чувств: зрение, слух, осязание, обоняние и вкус. Еды в потустороннем мире нет, и потрогать никого не получится. Так что нам, покойникам, остаются три чувства – зрение, обоняние и слух, а в виде бонуса – память, в которой хранятся соответствующие базы данных. Поэтому когда вы слышите звук «мяу», то представляете кошку, если звук писклявый – котёнок... Дрожащий, прерывистый писк – ошипанного котёнка. Ошипанного – потому что его обижают, а обижают чаще всего чёрных кошек. Вот и получился у нас – чёрный ошипанный котёнок. Хотя воображение – дело индивидуальное...

– Шерлок, долбаный, Холмс, – процедила Ксюша.

– Перестань, Ксения, – укоризненно сказал Фёдор.

– Так вот, – продолжал профессор. – Очевидно, приятный тонкий голосок Лики нарисовал в вашем воображении тот образ, который, как вам казалось, оптимально подходит к данной звуковой интонации, а что касается других деталей, таких как одежда, черты лица, цвет волос, и прочих внешних особенностей, то здесь уже включилась ваша фантазия. Возможно, в мире живых вам встречались девушки с похожим голосом. От каждой из них вы взяли только то, что вам в них понравилось... Сложили, так сказать, мозаику, и получился собирательный образ идеальной дамы. В любом случае Лика для вас – положительный персонаж, что на самом деле уже неплохо.

– Это точно, – грустно промолвил Фёдор. – Ко мне сразу после смерти тёща-покойница подлетела и как заорёт: «На кого ты мою дочь оставил, скотина!» Жуткая история...

– Хорошо, – не унимался я. – Тогда, возможно, наше знакомство с Ликой было запланировано? Может, она мой ангел-хранитель? Встретила, проводила до вокзала... Взяла надо мной шефство...

– Не выдумывайте, Виктор, – сказал Лощинский. – Ангелов-хранителей не существует.

– Не согласен, – подключился к разговору заслуженный шаман Ббян. – Ангел всегда с нами. Вот только видим мы его не сразу, а со временем.

– Правда? – спросил Фёдор, ухмыляясь. – И откуда ты знаешь?

– Так ему наверняка духи рассказали, – улыбнулась Лика. – Он же с ними целыми днями общался во время шаманских ритуалов.

– Точно, – утвердительно кивнул Кравчук, подмигивая девушке. – Небось и в морг прилетали по старой памяти? Да, Ростислав?

– Зря вы так, – обиделся Ббян. – Я в этом морге сутки проторчал около своего обгоревшего тела, присутствовал на опознании, вскрытии...

– А опознание зачем? – удивился Фёдор.

– Для установления личности погибшего.

– А как вы погибли? – спросил я.

– Неудачный эксперимент с установкой газового оборудования. Незадолго до кончины приобрёл финский домик из клеёного бруса, рядом закопал резервуар для хранения газовой смеси.

– Знаю, газгольдером называется, – кивнул Кравчук.

– Вот-вот. Этот газгольдер и рванул в один прекрасный день. Хорошо, в доме никого не было. Копаюсь я, значит, с шаманскими приспособлениями, готовлюсь к очередному сеансу, вдруг – бах-бабах! – стекла на окнах вдребезги, фундамент повело, а сверху здоровенная балка

как рухнет на мою голову... И всё, каюк. Дальше пожар... Мой финский домик с огнезащитной пропиткой вспыхнул как бумага. Я потом два часа наблюдал, как его всем миром тушили, боялись, что на соседние дома огонь перекинется. В общем, когда достали меня из-под руин, смотреть было не на что. Следовательно так и сказал: «Обгорел как головешка». Позднее, кстати, выяснилось, что при строительстве дома бригада таджиков применила новую технологию под названием «не пошло ли всё на фиг», а «фирменная немецкая газовая установка» на поверку оказалась сборной конструкцией российско-китайского происхождения.

– Свой свояка видит издалека, – моментально отреагировала Ксюша.

– Занятная история, Ростислав, – впечатлился я. – Пожар, морг, опознание... А как вы оказались на вокзале?

– Сам не знаю. Шёл, шёл и пришёл.

– Поясняю! – напомнил о себе Лощинский. Профессору явно нравилось быть в центре внимания. – Как я уже говорил, всем заправляет энергия, и наибольшая её концентрация находится именно здесь, на вокзале. Помните, как в космосе чёрные дыры притягивают к себе более мелкие объекты? Так вот, когда эти объекты приблизятся к центру дыры на расстояние, называемое критическим, они уже не могут вернуться назад. Вокзал – своеобразная чёрная дыра, с той лишь разницей, что притягиваемые ею энергетические оболочки (то есть мы с вами) могут некоторое время перемещаться в потустороннем мире.

– Получается, мы можем сходить на свои похороны или поминки, ну и вообще погулять по старым местам, вспомнить былое? – решил уточнить я на всякий случай.

– Да, но чем дальше вы будете удаляться от основного источника энергии, тем больше будете ощущать необходимость вернуться обратно. Вам постоянно будет чего-то не хватать. Поэтому, что бы вы ни делали, куда бы вы ни ходили, всё равно так или иначе окажетесь здесь.

– А как быть с расстоянием? Кто-то умер в одном конце города, кто-то в другом... Вдруг покойники придут на вокзал, а поезд уже ушёл?

– Исключено! В нужный момент притяжение энергетического поля настолько усиливается, что вас практически телепортирует на платформу.

– То есть отправят куда надо без регистрации?

На мою шутку никто не отреагировал.

– Кроме того, – продолжал Лощинский, – само понятие «расстояние» в потустороннем мире отсутствует. Поймите, вы не ходите, не дышите, вы даже не говорите... Просто передаёте информацию, мысли, образы, чувства телепатически – от одной энергетической оболочки к другой. И все друг друга понимают, поэтому никаких языков знать не надо. А шевеление губ, мимика – это фантазия! Что касается перемещений, то здесь работают другие законы, я уже говорил. Вы можете пройти два квартала в условную минуту, а можете – десять кварталов, всё равно через минуту будете на вокзале. Время в потустороннем мире течёт только на привокзальных часах. Вот вам и вся загробная теория.

Андрей Борисович явно подустал.

– Последний вопрос, профессор: почему вы до сих не уехали?

– На это, к сожалению, я пока не могу ответить.

Лощинский закатил глаза, давая понять, что разговор окончен.

– Ладно, Витя, отстань от него. Пойдём прогуляемся по территории. Ты ещё много чего здесь не видел.

Лица встала, приглашая пройтись с ней.

«Ага, мы уже перешли на ты», – с удовлетворением отметил я. Она определённо мне нравилась.

– А меня возьмёте? – с надеждой спросил Фёдор.

– Возьмём, если по дороге расскажешь занимательную историю, – кокетливо улыбнулась Лика, поскакав вприпрыжку в сторону выхода. – Догоняйте, встретимся у информационных стендов.

– Куда это она понеслась? – спросил я.

– К спискам отбывающих, – усмехнулся Кравчук. – Фамилию свою ищет. Надеюсь, не найдёт...

– И как тебя понимать? – я подозрительно посмотрел на Фёдора.

– Скучно без неё будет. Девушка больно хорошая. Так мило мне улыбается...

Кравчук довольно похлопал себя по пузу. Я промолчал, подумав с раздражением: «Наверное, всем мертвецам хочет понравиться. Тоже мне звезда потустороннего мира...»

Мы спустились на первый этаж.

Лика поджидала нас на свободном пятачке в десяти метрах от стендов, у которых, по обыкновению, толпились любопытные усопшие.

– Ну как, нашла свою фамилию? – поинтересовался Фёдор.

Девушка отрицательно покачала головой.

– А мою? – Кравчук расплылся в улыбке.

– Новые списки ещё не вывесили, – разочарованно произнесла она.

– И что будем делать? – спросил я.

– Подождём. Обещали принести с минуты на минуту. А пока ждём, Федя нам историю расскажет. Зря, что ли, его с собой брали?

Лика уставилась на Фёдора.

– Да я с удовольствием, – вновь заулыбался Кравчук. – Душещипательная история, основанная на реальных событиях о грибнике-маньяке, которым совершенно случайно оказался мой сосед по даче Григорий Кротов. Он сам во всём признался в процессе распития третьего литра самогона. Самогон, кстати, оригинальный, приготовленный по особой технологии – с добавлением еловых шишек. Смолой пахнет...

– Знаю только водку на бруньках, – усмехнулся я.

– Водка – продукт заводской, без души произведённый, не то что домашний самогон, тут и сравнивать нечего, – поучительно произнёс Фёдор.

– Вам, алкашам, виднее, – парировал я, наблюдая за реакцией Лики. Она внимательно посмотрела на меня и томным голоском прошептала:

– Не спорьте по пустякам, ребята. А ты, Федя, рассказывай свою историю, не тяни kota за хвост.

– Я и говорю, – продолжал Мастер на все руки. – Сидим мы, значит, у него на садовом участке, закусьваем свежими огурцами прямо с грядки, ведём светскую беседу, тут я возьми и спроси: «Слыхал, Гриша, ещё одного грибника в лесу нашли. На этот раз придушили бедолагу. Но грибов не взяли. Корзина почти полная, хоть и опрокинута...» Надо сказать, дело в августе происходило, а перед этим, приблизительно в конце июня, распространились слухи, что в непосредственной близости от садоводческого товарищества обнаружили труп грибника из соседней деревни. У себя, значит, грибы пособирали, теперь в наш лес повадились... Через пару недель ещё один труп, затем ещё... И что характерно, у всех грибников корзины были пустые, кроме последнего. Я, собственно, этой мыслью и хотел с соседом поделиться. А он посмотрел как-то странно и говорит: «Да что там брать! Одни сыроежки да подберёзовики червивые... Ни одного белого...» Я, честно говоря, сразу и не понял что к чему...

– Естественно, столько самогона выжрали, – брезгливо поморщился я.

– В общем, выпили ещё по стакану, и тут у меня возникли смутные подозрения. «Гриня, – говорю ему, – ты что, этого грибника в лесу видел?» – «Отчего же видел?.. Это я его... Того... Придушил вот этими самыми руками... Гада такого... Второй год подряд не могу даже банку опят на зиму закрыть. Чего жрать-то на новогодние праздники?» – «Салат „Оли-

вье», – с испугу отвечаю, а самого смех разбирает. Видимо, истерика у меня приключилась на фоне алкогольного опьянения. А Григорий как заорёт: «Сам жри свой салат! Я груздей солёных под водочку хочу, лисичек жареных с картошечкой, опёнков маринованных...» Схватился за голову и заревел. Клянусь, не поверил сначала. Добрый, тшедушный человек, немолодой уже, мухи не обидит... И вдруг маньяк... Говорю ему: «Григорий, ты спятил?» Он промолчал, ушёл в дом. Слава Богу, думаю... Проспится к утру, глядишь, ничего и не вспомнит. Вместе потом смеяться будем. Только подумал, смотрю, выходит, еле идёт, а в руках бумажный свёрток. Подошёл, протягивает мне. Я разворачиваю, а там документы грибников убиенных: водительские удостоверения – три штуки и один паспорт. Ну всё, думаю, крышка, меня тоже арестуют... За пособничество... «Как же так?» – спрашиваю. А он: «Сам не знаю. Не хотел никого убивать... Однажды в конце июня пошёл в лес пару берёзок срубить – палки для парника понадобились. Забрёл подальше, чтоб лесники не застучали. Глядь, а там они, белые, штук сорок на полянке, и все как на подбор красавцы! От радости чуть инфаркт не случился... Успокоился. Что делать? В руках не унесёшь. Решил сбегать домой за корзиной, фотоаппарат прихватил... Возвращаюсь, а там на поляне он сидит, грибник проклятый, мои грибы режет и так улыбается, сволочь, ехидно. У меня руки ослабли, корзина наземь упала. Говорю ему: „Ты что ж, душегуб, делаешь, на моем месте мои же грибы собираешь!“ А он мне: „Какие твои грибы? Где написано, что это твоё место?“ А сам на коленях ползает по полянке и усами от удовольствия шевелит, полную корзину нарезал. Ну, думаю, гад ползучий, конец тебе пришёл... Достал я из кармана ножик и по горлу пшик... Он сразу улыбаться перестал. За шею схватился, хрипит, дёргается как припадочный. Я грибы из его корзины в свою переложил – и дёру оттуда. Думал, выживет мужик, но нет, загнулся. И чёрт с ним, сам виноват. После этой истории в голове у меня переключило. Грибников стал выслеживать и грибы у них забирать. Решил, люди узнают, в лес побоятся идти. Но люди у нас тупые и жадные, ничего не боятся... Вот так всё и получилось... Зато пять трёхлитровых банок законсервировал. Будет теперь чем гостей угощать».

Фёдор замолчал.

– Это всё? – поинтересовался я.

– Всё.

– А что с грибным маньяком стало?

– Откуда мне знать?

Я укоризненно посмотрел на Кравчука.

– Как откуда? Неужели он до сих пор на свободе? Грибы собирает? Не боишься, что твой сосед вместо грибов людей консервирует, а консервы потом на местном рынке продаёт в виде говяжьей тушёнки?

– Говорю же, не знаю... Через неделю после пьяного признания я попал в канализационную шахту и оказался в загробном мире.

– По-моему, времени было достаточно, чтобы сообщить куда следует... Я, к примеру, тоже люблю грибы собирать...

– Да пойми, Виктор, не мог я в полицию пьяным идти... Думал, протрезвею, а там видно будет...

– И что?

– Не протрезвел, – безнадёжно махнул рукой Кравчук.

– Ясно, хорошая история, – усмехнулся я. – А главное, со счастливым концом. Маньяк на свободе, единственный свидетель в гробу! Молодец, Фёдор!

– Я не виноват!

– Конечно, нет! Виновата водка... Это из-за неё в вашем лесу скоро грибников не останется. Вот ты им и объяснишь, почему они очутились в загробном мире.

– И объясню, – упрямо промычал Кравчук.

- И объясни, – тоже упёрся я.
- Хватит, – попыталась успокоить нас Лика. – Как в детском саду... История странная, но мне понравилась. А ты, Витя, за живых не беспокойся, разберутся без нас...
- Ну, конечно...
- Теперь пожмите друг другу руки и больше не ругайтесь, – скомандовала она.
- «Пожать руку» – это в переносном смысле?
- Пожми в любом.
- Фёдор, – торжественно произнёс я, – мне очень понравилась твоя история. Ничего подобного, честное слово, не слышал.
- Спасибо, Виктор, – в том же духе ответил Кравчук, тут же добавив: – Если, конечно, ты не иронизируешь.
- Нисколечко, – миролюбиво сказал я, подумав: «В сущности, он неплохой мужик, хоть и мёртвый».
- Вот и отлично, – повеселела Лика, – Федя, а ещё истории у тебя имеются?
- Может, хватит на сегодня? – я умоляюще посмотрел на Кравчука.
- Да как угодно, – отмахнулся Мастер на все руки, безразлично посмотрев на меня.

Глава 4

Тем временем на перроне, который отчётливо просматривался сквозь оконные стёкла здания, стал скапливаться народ.

– Сейчас объявят прибытие поезда, – сообщила Лика.

Действительно, через пару минут мы услышали соответствующее объявление. И без того шумная толпа усопших загудела и засуетилась ещё больше.

– Пойдём отсюда, – Лика огляделась по сторонам. – У меня от этого постоянного гудения голова раскалывается и дрожь по всему телу.

– А как же списки? – поинтересовался Фёдор.

– Потом посмотрю. Пока их дождёшься, неврастеником станешь. Бюрократы!

Мы вышли на привокзальную площадь.

– И куда идём? – спросил я, едва поспевая за шустрой девушкой.

– Здесь недалеко есть магазинчик загробных товаров. Познакомлю тебя с Игнатом.

– Кто такой Игнат?

– Злобный, противный мертвяк, – выдавил Кравчук с недовольством. – Корчит из себя директора супермаркета, а сам – обычный продавец.

– Перестань, Федя, – вяло улыбнулась Лика. – Игнат – отзывчивый усопший, к тому же мой тайный поклонник, модными вещичками снабжает.

– Кто бы сомневался, – усмехнулся я. – А разве вещи можно ощущать физически?

– Разумеется. В потустороннем мире все строения и предметы осязаемы.

– А в мире живых?

Лика пристально посмотрела на меня.

– А в мире живых – нет! – отчётливо выговорила она. – Не понимаю, к чему эти вопросы, Виктор?

– К тому, – начал философствовать я, – что как я тогда узнаю, какой откуда предмет?

– Очень просто, – подключился Кравчук. – Тресни по нему кулаком, и узнаешь...

Я перевёл взгляд на Фёдора.

– Это как?

– А так. Если предмет оттуда, – Кравчук указал куда-то в сторону города, – твой кулак пролетит в пустоту. А если он наш, загробный, врежется, как в обычное препятствие.

– И что это значит?

– Это значит, – опять улыбнулась Лика, – что загробный мир с миром живых не взаимодействует. И хотя ты видишь оба мира, осязать можешь только потусторонний.

Я недоуменно пожал плечами.

– Послушай, Витя, – продолжала она вкрадливо, – в потустороннем мире предметы и строения пропитаны небольшим количеством энергии, достаточным для их физического восприятия. По мнению профессора, это сделано для того, чтобы создать привычную обстановку усопшим, попавшим после смерти в загробный мир. Оберегают нас от лишних переживаний и стрессов. Чтоб не носились в истерике по всему городу, а сразу шли на вокзал. Так что здесь можешь трогать любые предметы, проблем не будет.

– Но тебя я потрогать не могу...

– Всё потому, что я не вещь или предмет, а энергетическая субстанция в чистом виде.

Лика остановилась и повернулась ко мне. Я едва не наскочил на её оболочку.

– Смотри, – сказала она, проводя рукой по моему лицу. – Проскальзываешь, будто нет вовсе...

Я потрогал себя за нос, потрепал волосы и, уставившись на Лику, произнёс:

– Тогда почему я ощущаю своё тело? Я ведь тоже субстанция!

– Тебе это кажется. Забыл, что профессор сказал? Фантазия.

– А у меня тоже фантазия? – спросил Кравчук, хлопая себя по пузу.

Лица тяжело вздохнула.

– И у тебя фантазия, – выдавила она. – У нас у всех фантазия... И вообще, хватит дурацкие вопросы задавать. Лощинскому их задавайте, он всё знает...

– Хорошо, хорошо, – успокаивающе выговорил Фёдор. – Пойдёмте уже в супермаркет. Вчера обещали завезти наборы для начинающего усопшего. Говорят, там даже компас предусмотрен для определения кратчайшего пути на «базу».

Мы направились к магазину.

– Скажешь тоже – компас. Картонка с бумажной стрелкой и шкалой с надписью: «Вокзал».

– У некоторых жмуриков и его нету. Блуждают, бедолаги, по улицам, домам и квартирам, людей пугают.

– Точно, – кивнула Лица. – Я знаю одного такого. Пинг-понг очень любил, целыми днями шариком стучал во дворе. Один раз укатился шарик на дорогу, парень за ним, а там машина... Сбила парнишку. Так он до сих пор по двору бродит, теннисный шарик ищет. Мертвяки ему даже прозвище дали – Дворовый, по образцу Домового.

– А я слышал, его Шарикоподшипниковым обзывают, потому как в той машине запчасти везли для автосервиса.

– Не носи чепуху, Фёдор!

– Нет, правда...

– У меня тоже про теннисный шарик история имеется, – вдруг вспомнил я. – С магическим уклоном.

– Любопытно... Только в потустороннем мире магией никого не удивишь.

– Это ещё почему?

– Потому что у нас и так всё сверхъестественно, а в мире живых магии не существует...

Я с интересом посмотрел на девушку.

– Так профессор говорит, – уточнила она.

– Ах да, профессор, – усмехнулся я. – Ну разумеется... Он ведь у вас эрудит. Специалист во всех областях...

– С чего ты взял?

– Ну как же... Филолог, размышляющий об энергии в масштабе Вселенной... Такого персонажа ещё поискать надо.

Кравчук неожиданно рассмеялся.

– Зря вы так, – Лица обиженно надула губки. – У него и другие теории есть.

– Не сомневаюсь.

– Да что вы понимаете! Профессор хороший. Если б не эта история, жил бы до ста лет!

– Какая история? – поинтересовался я.

– Любовная...

– Да он немолодой вроде...

– «Любви все возрасты покорны», – процитировала Лица известного поэта.

– Что за история? Расскажи.

– Во-во. И мне интересно, – с энтузиазмом произнёс Кравчук.

– Да рассказывать особенно нечего. После двух инфарктов Лощинский долго лечился в санатории, а потом вернулся к своим студентам. Чтобы сильно не загружать профессора, декан факультета дал ему две группы из вновь поступивших. Среди них и была она, любовь всей его жизни. Надо сказать, Андрей Борисович – вдовец, много сил отдавал научной деятельности, поэтому на личную жизнь времени не хватало. Лекции читал с вдохновением, иногда забывая про время и задерживая ребят на перерыв, но студенты не обижались и слушали

его до конца. После одной из таких лекций к нему подошла студентка и попросила помочь с рефератом. Так они познакомились. Ровно через год в институте произошёл громкий скандал. В соцсетях какой-то умник выложил фотографии профессора и этой студентки, отдыхающих в Турции на одном из известных курортов. Фотографии, естественно, носили эротический характер. Как потом выяснилось, в отеле, где они проживали, отдыхали студенты с параллельного потока. Они-то их и засняли ради прикола. Лощинского, конечно, тут же вызвали на ковёр и попросили, так сказать, с вещами на выход. Он очень сильно переживал потерю работы, не из-за денег, нет. Просто это было делом всей его жизни, и частичка этой жизни угасла в нём внезапно и окончательно. Студентка перевелась в другой институт на заочное отделение, нашла работу. Только она поддерживала Андрея Борисовича в это тяжёлое время, часто оставаясь в его холостяцкой квартире и ухаживая за ним как за маленьким ребёнком, – здоровье Лощинского заметно пошатнулось. Однажды, лёжа в кровати с холодным компрессом на голове, он попросил её об одной интимной услуге... Когда всё закончилось, профессор был уже мёртв, но в его открытых уставших глазах застыли счастье и удовлетворение – жизнь была прожита не зря...

– Нет, ну я сейчас расплачусь. Как Ромео и Джульетта, – Фёдор вытер скупую слезу. – Вот смерть-падлюка, такую любовь сгубила...

– А откуда эти подробности? – мой озадаченный взгляд немного смутил Лику.

– Профессор иногда впадает в депрессию, – ответила она, – и рассказывает историю всем подряд, а я её приукрашиваю, как могу, в литературном смысле. Мечта у меня была – стать писателем.

– Вот и наш магазинчик, – с детским восторгом воскликнул Кравчук, переступая порог торгового заведения.

Послышался звон колокольчика.

– А что, Игнат, привезли ритуальные томагавки – подарок наших североамериканских друзей индейцев?

– Совсем больной, что ли? – Игнат покрутил пальцем возле виска.

– Сразу говорю, денег у меня нет, – неожиданно выпалил я, прячась почему-то за спину Фёдора.

– Не волнуйся, Витя, денег не надо, здесь всё в долг, – подмигнула мне Лика.

– А отдавать когда? – насторожился я.

– На том свете отдашь, жмурик! – съязвил Игнат, почёсывая длинными худыми пальцами облезлую бородку.

– Попрошу не хамить! Я человек новый, но в обиду себя не дам, – бестелесная спина Фёдора показалась мне надёжным укрытием.

– Да какой ты человек – дух новоиспечённый. Ещё под стол пешком ходил, а я уже супермаркетом заведовал.

Действительно, как мне впоследствии рассказали, никто точно не знал, когда именно появился Игнат и как долго он здесь находится. Известно только, что при жизни он держал в городе лавку по скупке различных товаров у населения. Покупал, разумеется, за бесценок, а по выходным продавал эту утварь на блошином рынке. Однажды он неудачно всучил какому-то дельцу «эксклюзивный» тульский самовар, который предназначался одному немецкому бизнесмену в подарок, но при первом же использовании у самовара отвалился носик. Получилось очень некрасиво. Бизнесмен обиделся и уехал, так и не заключив многомиллионный контракт, а к незадачливому коммерсанту в тот же день приехали здоровые парни с бейсбольными битами и напугали его до смерти. В прямом смысле... У Игната был врождённый порок сердца.

– Ладно, Игнатушка, показывай, что у тебя из последней коллекции.

– Специально для тебя, Ликуся, – оживился Игнат. – Эффектная воздушная шляпка с сиреневой вуалью, а с ней в комплекте – шикарные полупрозрачные перчатки из чёрного кружева с таинственным цветочным узором.

– Не слишком мрачно?

– Мадам, это то, что надо! Будете выглядеть, как богиня, – длинная шея Игната вытянулась ещё больше.

– Ага, мисс мира, – пробурчал Фёдор и совсем тихо добавил: – Загробного.

– А обувь?

– Разумеется! – Игнат резво подскочил к девушке, держа в руке бордовые туфли. – Разрешите вашу ножку?

– Пожалуйста, – кокетливо произнесла Лика, присаживаясь на стоявший рядом кожаный пуф.

– Сексуальные туфли с открытым носом, на платформе, с высоким тонким каблуком, и главная фишка – кожаный ремешок, перехватывающий лодыжку, – затараторил Игнат, пытаясь надеть обувь на бестелесную ножку девушки.

Лика заметно смутилась.

– Впрочем, мерить не надо, – сказала она, вставая. – Товар качественный. Беру. В загробном мире всё сгодится...

– Может, и мне что-нибудь обломится? – напомнил о своём существовании Фёдор.

– И что тебе надо, жертва Водоканала? – недовольно пробурчал Игнат. История о злоключениях Мастера на все руки, по-видимому, ни для кого не была секретом.

– Ходят слухи, ты из-под полы торгуешь контрабандным товаром...

– Вранье!

– А как же наборы для начинающих усопших?

– С утра на прилавке, только ты ничего не получишь.

– Это ещё почему?

– Вид у тебя затрапезный, не нравишься мне.

– Не выдашь набор, не уйду, – Кравчук сжал здоровенные кулаки и решительно двинулся на Игната.

– Спокойно, ребята, – примирительно промолвила Лика. – Игнатушка, дай ты ему набор.

– Да пусть берет, и этому дохляку тоже, – Игнат кивнул в мою сторону. – Ему точно надо. Там как раз носовые платки имеются – соплю подтирать!

– Виктору сейчас «Путеводитель» нужнее, хотя набор не помешает.

Пока Игнат с Фёдором занимались словесной перепалкой, я внимательно изучал ассортимент загробного супермаркета. Магазин делился на несколько секций, в каждой из которых находились товары определённого назначения. Они были аккуратно разложены на специальных полках, тянувшихся вдоль стен магазина. Одна секция с товарами располагалась в центре зала. Ближе к выходу, который одновременно являлся и входом, за прилавком сидел Игнат, охраняя своё многочисленное добро. Чего тут только не было! Усопшим предлагались одежда и обувь преимущественно чёрного и белого цветов, наручные часы с возможностью установки собственной даты смерти, украшения с религиозными символами любых вероисповеданий мира, косметическая линия «Последний вздох», а также браслеты, кольца и всякие безделушки с магическими знаками. В отделе «Игрушки» я обнаружил гадальные карты Рун, Таро, Ленорман, резиновые маски зомби, вурдалаков и прочей нечисти, комплекты белых простыней для привидений, а также деревянные сундучки с популярной детской игрой «Джуманджи». Отдел «Редкости» был представлен продукцией китайских умельцев, изготовленной почему-то из картона: двухэтажные домики-особнячки, игрушечные машинки известных производителей, видеокассеты с надписями «Звонок», «Звонок-2», «Последний звонок», мобильные телефоны с логотипом в виде надкусанного яблока, а также набор суши с палочками и бутылкой

саке. В инструкции по применению было сказано, что после приобретения товары необходимо сжечь для материализации в загробном мире. «Конечно, – подумал я, – с мобильником и саке куда веселее». В отделе «Продукты» были представлены алкогольные напитки с преобладанием торговой марки «Столичная», куриные окорочка, баранина, а также рис, курага и изюм, расфасованные в полиэтиленовые пакеты по одному килограмму. Все продукты были изготовлены из полимерных материалов. На прилавке, у самого выхода, в небольших коробах валялась пластиковая посуда с маркировкой SOCHI: стаканы, тарелки, вилки, ложки и ножи. Мне очень захотелось что-нибудь приобрести.

– Держи книжку, – видимо угадав мои мысли, сказала Лика, протягивая «Путеводитель по загробному миру». – И сумку возьми, этот талмуд в кармане не поместится.

– А где её взять?

– Вот, – Лика достала с нижней полки две сумки на длинном ремне. – Тебе чёрную или коричневую?

– Чёрную, – ответил я, забирая сумку и укладывая в неё путеводитель. – Она сочетается с моей голубой майкой и потёртыми джинсами Diesel.

Лика едва заметно улыбнулась.

Эти шмотки достались мне по случаю, на ночной распродаже в ТЦ «Атом», куда мы с Лёхой попали по наводке наших знакомых. Майку я заметил сразу. На ней была изображена пивная кружка с надписью I LOVE BEER. С джинсами пришлось помучиться, не было нужного размера. Там же приобрёл чёрные замшевые мокасины. Мне всегда нравился джинсовый стиль.

Накинув сумку через плечо, я подошёл к большому, в человеческий рост, зеркалу, намереваясь посмотреть на себя со стороны. В зеркале никого не было...

– Зачем нужно зеркало, если в нём ничего не отражается? – недовольно пробурчал я.

– Это для того, – желчно произнёс Игнат, – чтобы мертвяки помнили, что они никчёмные разлагающиеся трупы. Забирай путеводитель и вали отсюда!

– Подумаешь... У меня уже есть «Памятка усопшему».

– Путеводитель лучше, он с картинками, – вновь улыбнулась Лика.

– Хочу мешочек со святой землёй из древнего города Иерусалима, – жалобно промямлил я.

– А хвост дохлой кобылы не хочешь? – с издёвкой произнёс Игнат. – Проваливайте, магазин закрывается на обеденный перерыв. Ликуся, ты, разумеется, можешь остаться.

– Спасибо, Игнатушка, в другой раз...

Лика открыла дверь, и мы торжественно покинули супермаркет, прихватив два набора для начинающих усопших, сумку, путеводитель и пакет с женскими шмотками. Уже на выходе Фёдор оглянулся, бросив недовольный взгляд на Игната.

– Хотя поход в магазин можно назвать удачным, осадочек всё-таки остался, – выдавил Кравчук.

– Не понимаю, что вы не поделили, – Лика пожала плечами.

– Крохобор он! В лицо ему высказал, теперь козью морду мне строит.

– Чего?

– Изображает толстую злобную козу. Хотя сам тощий, как оципаный страус.

– Перестань, пойдём лучше в сквере посидим, – предложила Лика. – Так на улице хорошо.

– Не возражаю, – согласился Фёдор.

– А здесь ещё и сквер имеется?

– Конечно, путеводитель тебе на что?

Я достал из сумки путеводитель – большую иллюстрированную книгу, напоминающую детскую азбуку. На первой странице был нарисован подробный план потусторонней местности. На плане обозначались различные строения, в том числе здание вокзала и регистратура.

Место, где мы находились, называлось «Торговый ряд». Он включал в себя две постройки: цветочный магазин и загробный супермаркет. Сразу за ними начинался сквер. Туда, собственно, мы и направлялись. Сквер размещался на небольшой возвышенности. Это была ухоженная территория с клумбами и фонтаном, вокруг которого стояли деревянные скамейки. На одной из них с низко опущенной головой сидела грустная девушка. Она периодически всхлипывала, издавая плаксивые, ноющие звуки.

– Как дела, Танечка? – участливо поинтересовалась Лика, присаживаясь рядом.

– А, это ты? Привет, – девушка подняла заплаканные глазки. – Нормально, только шея постоянно болит.

– Это фантомная боль, пройдет со временем, – пообещала Лика и, обращаясь к нам, пояснила:

– Неудачная операция. Таня – жертва пластической хирургии.

– Я просто хотела быть молодой и красивой, – расплакалась Татьяна.

– Ты очень красивая девушка, – успокоила её Лика. – У тебя всё будет хорошо. Хочешь, пойдём с нами погуляем?

– Нет, спасибо, вы идите.

Таня утёрла слезы рукавом голубой вязаной кофточки.

– Не грусти, Танюша, – шепнула ей Лика, вставая.

Обогнув фонтан, мы вышли на смотровую площадку, с высоты которой отчётливо просматривалась железнодорожная платформа. И хотя её основная часть была закрыта зданием вокзала, прибытие поезда и посадку в последние вагоны вполне можно было наблюдать. По крайней мере, мне так казалось. Мы присели на стоявшую неподалёку скамейку и погрузились в думы, созерцая потусторонний пейзаж. Вокруг было тихо и спокойно. Именно в такие минуты в голову лезут всякие дурацкие стишки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.